

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ И СРЕДСТВАХ**Д.М.МУСЛИМ-ЗАДЕ****Бакинский Государственный Университет**

В статье «К вопросу об общественных целях и средствах» анализируются различия между формулированием общественных целей в нерыночном обществе и марксистским утилитаризмом и природой общественных целей в рыночном обществе и кантовой деонтологией. В исследовании подчеркивается известный субъективизм и зависимость целей от воли политиков в нерыночном обществе, а отсюда известная формула «цель оправдывает средства», или «достойная цель оправдывает средства», но в любом случае массы оказываются лишены влияния на сферу цели. Иная ситуация складывается в рыночном обществе, когда интересы и цели формируются на рынке, а потому рынок господствует в политике, в экономике и морали. Рыночная мораль обуславливает модернизацию архаичных и традиционных обществ как раз таки потому, что активизация экономических изменений меняет мораль, которая в других обществах традиционная и не связана с экономическими интересами индивида.

Советский утилитаризм марксистского толка сводил теорию морали к вопросу об условиях и эффективности реализации цели – коммунизма. Коммунизм – это общество, где всем хорошо, просто все счастливы. Проблема только в том, чтобы отыскать пути, ведущие к этому счастью. И эта проблема – не моральна, она технична или технологична. Власть и развитие техники и технологии обязательно приведут к обществу всеобщего счастья. Остальные, по существу все люди не должны мешать поиску новой технологии. Рано или поздно люди начинают понимать, что всеобщего счастья не бывает. Это и обосновал И.Кант. Но Кант сформулировал также и то, что разумный человек формулирует для себя нравственные индивидуальные цели и следует им. Он их воспринимает как должное. Должное потому, что он сам себя считает обязанным им следовать и, следуя им, должен обрести счастье. И это обоснование в дискуссии с утилитаризмом оказывается важным для нашей морали и общества, оказавшимися в состоянии перехода к рыночному обществу. Такая постановка вопроса перед этикой актуализирует вопрос: а что же такое рыночная мораль? По мнению многих на постсоветском пространстве рыночная мораль сводится к нехитрой максиме «все продается и все покупается», но так ли это?

Дискуссии о соотношении утилитаристских и деонтологических (кантовских) моментов в этике затрагивают, по сути, ту же проблематику, что и споры о природе целей экономического развития. Это касается не столько споров вокруг возможных приоритетов рынка над планированием или наоборот, сколько анализа морально-ценностных факторов рынка и экономических теорий. Так,

существует точка зрения, что рынок является инструментом для формирования представлений об изначально заданных целях, способом распределения ресурсов для достижения соответствующих экономических и не только экономических целей. Сторонники другой позиции видят в рынке механизм, способствующий открытию и установлению возможных целей, опираясь на то, что люди желают и что считают своими целями. Оба понимания присутствуют в обобщенном виде в двух основных традициях в политической философии и этике. Каждая из этих традиций вырабатывает свою модель трех составных и взаимосвязанных частей практической философии – этики, политики и экономики. (Кстати, в нашей философии и укоренилось представление с советских времен о раздельном существовании этих частей философии. И это было в какой-то мере оправдано, так как их синтез проводился марксистской идеологией. Теперь же, синтезировать их должна и сама философия, и сама этика). В марксистской традиции связи описываются через понятия эвдемонизма, телеократии, планового хозяйства, в либерально-рыночной – через понятия деонтологии, права, рыночной экономики. Достаточно часто встречаются и промежуточные варианты, синтезирующие элементы обеих традиций. В действительности именно два вышеотмеченных идеальных типа характеризуют функциональную систему «этика-политика-экономика». Под эвдемонизмом понимается такая разновидность этических доктрин, в которой понятие материальной пользы или счастья выступает целью и критерием морали. Телеократию определим как политический строй, в котором власть связывает формирование материальных, социально значимых целей с задачами обеспечения мира и справедливости, декларирует их как решение в интересах большинства и осуществляет средствами монополярной власти. Плановое хозяйство – это экономический порядок, в котором централизованно принимаются решения о средствах и целях общественного производства. Деонтология и право описывают иную трактовку отношений этики и политики. Они исходят из того, что моральные и правовые установки определяют условия совместной деятельности людей с точки зрения всеобщего, а потому формального. Политическое и моральное действие оценивается не с позиций соответствия выгоде, но исходя из критерия их соответствия общезначимым принципам. Государственным идеалом в таком случае оказывается нейтральное правовое государство, в литературе используется понятие «минимальное государство». Рыночная экономика понимается как нецентрализованная координация в рамках единого хозяйственного механизма спроса и предложения. Именно поэтому связи экономики и этики выходят на первый план, поскольку именно их связи определяют легитимные функции минимального государства. Политика в таком случае оказывается подчиненной законам рынка. Для понимания этой специфики особое значение приобрели работы Хайека, Бьюкенена, Фридмана, российских теоретиков и политиков Е. Гайдара, Г. Явлинского, Капустина, А. Леденевой и др.

Уже анализируя работу Хайека «Дорога к рабству», становится понятным, что рыночная и плановая экономика или «бюджетная модель экономики» (У. Липпмана) – это не только экономические феномены, но философско-этические. Экономика есть в каком-то смысле результат определенных морально-правовых и политических ориентации. Плановая экономика закрепляет эти

ориентации, возводя их в абсолют, уничтожая возможную оппозицию к ним. Кстати, среди российских и советских марксистов 20-х годов зрело понимание опасности такой абсолютизации. Достаточно, проанализировать поздние работы Бухарина, Лукача (венгерского марксиста, работавшего в СССР).

Основной моделью экономического планирования является бюджет, в рамках которого руководитель принимает решения относительно распределения и вложения средств, для выполнения намеченных целей. В примитивной экономике эти цели определяются по аналогии с целями индивидов (субсистентные), использующих этот бюджет, они не дают простора для вариаций. Эти цели, выражая потребности индивидов, обуславливают их активность. Хайек писал об этом, что экономическое планирование не может ограничиться «...созданием возможностей, которыми будут пользоваться по своему усмотрению какие-то неизвестные люди» [1]. Возможности инвестиций и потребления здесь ограничены. Потребности здесь как бы не меняются и рассматриваются как квазиприродные, «от века», «скромные» и т.п. Самосохранение и выживание в борьбе либо с природой, либо с врагами являются целями такой экономики. Для экономики и социологии архаичных (традиционных) обществ характерна такая статичность (стабильность) потребностей и социальных структур. Эта стабильность, приверженность традиционным установкам экономики (квоты потребления), традиционным представлениям о статусе индивидов, имеет смысл, так как само выживание общественного организма является проблематичным в рамках отношений «человек-природа», «мы-они» и гарантируется только неукоснительным исполнением норм и установок. Для того, чтобы эта система была понятной, стоит вспомнить, что писали З.Фрейд, Д.Фрезер, Э.Б.Тайлор о некотором первичном табуационном обществе [2, 3]. Причины консерватизма архаичных обществ заключаются в том, что эти общества прошли мимо необходимого для осуществления новаций и приобретения большей свободы уровня организации и управления. Кстати, консерватизм российского общественного организма, по мнению Р.Пайса, связан с окружающей человека суровой природой [4]. Выживание как цель существования хозяйств формирует квазиприродную целевую установку, для реализации которой экономика должна использовать все возможные имеющиеся в наличии средства.

Но формула постоянства потребностей не может быть в чистом виде применена, даже при характеристике античного полиса (реформы Солона). С возникновением частной собственности и социального расслоения, следствием чего являются профессиональная и социальная дифференциация, использование рабского труда для получения прибавочной стоимости, возникают новые возможности инвестирования и потребления. Из-за социального расслоения нарушается связь между потребностями и целями индивида и государства. Потребности гражданина полиса и раба не есть нечто тождественное и неизменное, а потому не могут рассматриваться как цели (параметры) экономического и социального развития.

Идея постоянства экономических целей достаточно популярна. Такая установка позволяет истолковать экономическую проблему, как проблему оптимального и эффективного осуществления целей; а при условии того, что

цели экономического развития есть нечто постоянное, можно добиться большей прогностической и нормативной точности, чем в ситуации, когда определению эффективных, для достижения данной цели, средств предшествует поиск критериев, позволяющих те или иные потребности обозначать как цели хозяйственного развития. Ориентация на цели выживания первоначально придавала хозяйственной динамике характер механической детерминации, что и позволило теориям XIX века заимствовать из естествознания формы аргументации и способы получения и прироста знания. Развитие производительных сил, ликвидация монополии на принуждение в экономике, привели к тому, что экономическая динамика более в схемы механического детерминизма не укладывалась. Проблема выбора целей общественным организмом стала сложной и неоднозначной.

Идея постоянства экономических целей применима только в рамках обществ, исключая социальную мобильность. Только, когда потребности определяются социальным статусом членов данного общества, а потребительские ожидания становятся социальными – короче, если существует точная субординация социального статуса и экономических потребностей, можно предположить, что и в ситуации социального расслоения потребительские потребности в определенный отрезок времени останутся в целом постоянными. Но тенденции развития, в том числе и современного Азербайджана, приводят к тому, что общество постоянно разрушает стабильность субординации статуса и экономических потребностей, так как именно изменение потребительских потребностей и способствует развитию (Ж. Сисмонди первым в XIX веке сформулировал этот закон). Как правильно выразился К. Боулдинг, мы начинаем с молока, тепла и сухости, а все остальные предпочтения приобретаются, и конца этому процессу, добавим, нет. Но это не только потребности выживания, но социально приобретенные, дифференцированные потребности членов общества играют определяющую роль в распределении ресурсов. Не выживание, но возможность жить хорошо (говоря словами Аристотеля, «жить в соответствии с благом») становится целью экономики и внутренним двигателем (демиургом) развития. В таких условиях бюджетная экономика, государственное регулирование сталкиваются с кризисами и не применимы. Хайек вообще считал, что понятие «экономический» не применимо к современным хозяйственным структурам. Экономика в строгом смысле слова – это организация, упорядоченность, в которой кто-то целенаправленно использует средства во имя некой иерархии целей. Спонтанный, вечно изменяющийся порядок демократии и рынка, есть нечто совершенно иное.

Бюджетная модель экономики вырастает из представления о заранее заданных целях и централизованно применяемых средствах их достижения. Экономика превращается в инвариант технической организации производственных процессов, в рамках которых для достижения известных целей используются объективно значимые производственные факторы. Проблема практики становится технической проблемой, цели и затраты по их осуществлению predeterminedены наличными условиями. Поскольку знаешь, чего хочешь, можно переложить решение экономической проблемы, связанной с возможным осуществлением целей, на некий центральный орган. Экономика не

есть проблема координации действий самостоятельных субъектов, а вопрос об оптимальном использовании производительных сил. Экономика не произвольный организм, а конструируемые сверху взаимосвязи. Это не сфера обмена между самостоятельными действующими индивидами, преследующими собственные цели, а технология осуществления изначально заданных целей в рамках и средствами общественного производства. Не только экономика, но и общество в целом становится таковым, все превращается в бюджет, а управление этим огромным бюджетом оказывается делом государства. Все оказывается государством, государственным делом, все существует во имя единых целей.

К. Маркс выявил предпосылки этого процесса и одновременно скрыл их с помощью «родовой сущности человека». Об этом очень точно сказано у Э. Фромма, российского философа Батищева Г.С. [5]. Если есть постоянные и одинаковые потребности человека как родового существа, то объективно необходима и оправданна постоянная система целей общественного производства, а также централизованное управление этой системой во имя этих целей. Экономические устремления индивида должны быть трансформированы в экономические потребности рода. Осознавший эту взаимосвязь имеет право на справедливое насилие по отношению к тем, кто противится этим справедливым устремлениям. Экономика должна стать единой фабрикой рода. Одновременно и человек должен в процессе своего развития превратиться в родовое существо, чтобы в подобном обществе выступать, одновременно, и в качестве субъекта, и в качестве объекта общественного производства и воспроизводства, процессе, когда род становится и руководящим, и руководимым в одно и то же время, в некий аналог «пчелиного роя», но с индивидуально-общественным сознанием, то есть с умением планировать и достигать родовые цели. Род приходит к самому себе, осознает себя через развитие производительных сил. Социальная эволюция осуществляется не как процесс развития способностей и приспособления индивида к условиям внешней среды, но как процесс обучения рода в качестве субъекта, что осуществляется с помощью централизованной силы, государства, говорящего от имени рода. Идея отмирания государства Маркса, перенесенная в будущее, не спасает от необходимости централизованного управления (неким советом старейшин). Индивидуально-общественные, субъективно-объектные отношения не спасают от того, что субъективность и практика, как индивидуальное целеполагание и целеосуществление, при этом исключаются.

В рамках такого восприятия общественного организма – экономика приобретает наиболее важный, первичный статус. Все должно быть подчинено ей. Кстати, до сих пор в ходу фраза, что самое главное – экономика, хотя она есть производное от нашей жизненной практики, от наших потребностей и т.п. Общество рассматривается с позиций возможностей экономического осуществления целей, воспринятых как весомые и значимые, изначально заданные. Экономика, как и политика, не воспринимаются как области, где формируются и формулируются цели: они, дескать, ищут средства для реализации целей. Марксова экономическая теория возвышается на критике капитализма, но она, одновременно, вытесняет и свободный обмен между субъектами, преследующими свои цели. Полное преобразование практических отношений в отношении управления вещами возможно только в том случае,

когда общество понимается как система взаимосвязей вечно-технического функционализма, но не как система взаимодействия. Экономизм Маркса, поставившего экономику на место политики и морали – это заблуждение технократического плана, одна из форм социальной технологии, основой которой является убеждение, что цели и средства человеческой деятельности определяются и задаются исторически обусловленными формами и уровнем развития производительных сил.

Бюджетной модели экономики с ее понятием «общественных целей» противостоит модель рыночной экономики, модель «взаимодействия» (интеракции) со своими представлениями общественных целей. Она была обоснована Хайеком, развита фон Мизесом и Бьюкененом. Ей посвятил свои исследования классик западной философии политики Й. Шумпетер [6, 7]. Действия индивидов, осуществляемые в соответствии с их собственными целями, должны быть скоординированы на рынке в процессе обмена, торговли, сотрудничества, кооперации, таким образом, чтобы индивидуальное целеполагание и удовлетворение потребностей превратилось в реальную возможность. Экономика ориентирована не на удовлетворение заданных потребностей, но на их реализацию в соответствии с планами и устремлениями индивида. Речь идет, таким образом, не о количественном, а о качественном их удовлетворении, необходимым моментом которого является свободное полагание индивидом целей, которые он стремится осуществить. Экономические цели (за исключением того физического минимума потребностей, которые обусловлены биологическими целями выживания) не заданы изначально, как думал Маркс, но должны сформироваться в процессе взаимодействия между людьми. Экономические цели в рыночной интерактивной экономике не могут быть истолкованы по аналогии с бюджетной моделью, сводящей их к потребностям физического потребления, жестко детерминированным социальным статусом индивида, но связаны с удовлетворением разнообразного, динамически меняющегося потребительского спроса. Собственно, экономика перестает быть экономикой и превращается в сферу взаимодействия людей, этику, а люди в результате взаимодействия, преследуя индивидуальные цели, внутренне меняются, меняя при этом и свои индивидуальные цели и само общество. Интерактивность приводит к ускорению процессы развития. Вспомним, что перед перестройкой М.С. Горбачев говорил об ускорении процессов развития, но теперь становится понятным, что ускорение может стать результатом только коренного пересмотра всех наших понятий. Пока мы не поймем, что такое интерактивная экономика, политика и мораль – ускорения нам не видать. Эта коренная перемена связана с новым подходом к проблеме связи между спросом и предложением не в узкоэкономическом смысле слова, а философском, связующем и затрагивающем все основы нашей жизнедеятельности. Рынок выполняет две задачи: информационную подготовку и контроль за успехом. Об этом пишут классики западной философии политики и этики К.Маннхейм, Р.Янг, Д.Белл и многие другие [8, 9]. Эти проблемы и, прежде всего, проблему контроля за успехом, а говоря более точно, индивидуальную ориентированность на успех игнорирует бюджетная экономика, а потому не может конкурировать с рыночной экономикой. Обратите внимание,

что социалистическая экономика, политика и мораль проиграли спор с рыночной экономикой и моралью именно тогда, когда началась информационная революция. Специфика этой революции в том, что отношения господства и подчинения сменяются взаимоотношениями двух формально юридически равных сторон в процессе обмена информацией. Отношения господства и подчинения превращаются в средство обеспечения этого взаимобмена, к тому же они перестают быть жестко структурированными и вертикальными. Об этом пишут многие западные философы политики М. Дюверже, В. Керстинг и многие другие. Мы, кстати, до сих пор недооцениваем этого процесса. Власть – это не только жесткая вертикаль, подчиненность и мораль подчинения. Современная власть – это взаимобмен информацией. Конечно, вертикаль и структурированность остается, но она дополнена движением информации снизу вверх и обратно.

Аргументы, при помощи которых обосновывается способность феноменов нести адекватную информацию о рациональном индивидуальном экономическом, политическом и моральном проектировании, прямо противоположны аргументам социалистической и постсоциалистической бюджетной модели. К числу этих аргументов относятся не истинность, но вариантивность потребностей, субъективистская трактовка ценностей, эволюционность. Единым знаменателем для всех этих установок становится исключение из сферы анализа вопроса об истинности и вечности потребностей. Отрицание истинности потребностей и субъективистское понимание ценностей (стоимости) тесно связаны между собой. Стоимость определяется не по Марксу, как общественно необходимые затраты рабочего времени и капитала для производства данной вещи, но как формирующаяся в отношениях обмена оценка вещи посредством спроса на рынке. Рыночная цена (меновая стоимость) уже не рассматривается как эквивалент потребительской стоимости, фиксирующей потребность, но как эквивалент для обмена одного блага на другое, стоимость которого определена также субъективно [10]. В такой оценке благ меняется положение покупателя, его потребности превращаются в системообразующий феномен. Его субъективность возводится в основной двигатель развития, эволюции. Эта именно та субъективность, которую отбрасывал социализм и, которую до сих пор должным образом не оценивает постсоциализм.

Практическая легитимизация этого субъективизма осуществляется за счет предположения, что никто не осведомлен лучше о потребностях индивида, чем он сам, и использовать эти знания в основном способен лишь он. Проводится аналогия с процессами институционализации нрава индивидуальной политической свободы: позитивно выгодной представляется сама возможность сформировать свои потребительские идеалы (концепция потребительского суверенитета). Об этом еще в 1859 году первым писал Дж.С.Милль в своей работе «О свободе» [11].

Из такого понимания субъективизма и потребительского суверенитета вытекает формальный характер рыночной рациональности. В отличие от формальной и материальной рациональности эта рациональность описывает не стремление к материальным целям максимального увеличения объемов потребления (социализм) или роста национального экономического могущества (постсоциализм), но формальный способ производства знаний о приоритетах и

оптимальном распределении ресурсов и для их реализации.

Рынок в такой модели приобретает важнейшее значение. Его значение становится больше, чем национальной экономики. Не рынок для национальной экономики, как очень часто пишут российские и азербайджанские экономисты, политики и философы, а национальная экономика для рынка. Как не странно, это не парадокс, а логика современности. Распад Советского Союза как перед Азербайджаном, так и перед другими постсоветскими государствами не поставил альтернативы. Если рынок, то для упрочения национальной независимости и национальной экономики. Но эта проблема не имела альтернативы ранее, теперь же в западной теории она приобрела иной вид: рынок есть лучшее средство для развития индивидуальности или субъективности. В отринутой версии национализма на первый план выводится проблема распределения ограниченной массы средств для достижения различных, а подчас взаимоисключающих целей. Проблема национальной экономики или проблема распределения – это проблема оптимального использования средств, осуществление и решение которой возможно и посредством рынка, и посредством государственного вмешательства и регуляции. Как правило, на постсоветском пространстве выбран путь соединения, синтеза.

Но при таком подходе оказывается нерешенным главный вопрос: в обществе всегда ощущается не только недостаток средств для осуществления тех или иных целей (с этим согласится каждый азербайджанский или постсоветский исследователь), но и дефицит самих целей. Фраза национальные цели –много-смыслена, то есть заполнить ее консенсуально-общественно представляется сложным, если невозможным. Как искать, как формулировать цели - сложнейший вопрос для постсоветского пространства. Поиск решения проблемы рационального использования средств и ресурсов оставляет вне поля зрения вопрос, какие цели и потребности должны быть реализованы. Сильный, богатый Азербайджан оставляют без ответа вопрос, а для чего, для кого? Советский ответ: «Все для человека» – не был реализован и не мог быть реализован, так как предполагал на самом деле не человека, а человека, устраивающего Советскую Власть. Чтобы найти ответ на вопрос, ради чего это все нужно, необходимо осмыслить, что рынок сегодня это не механизм распределения средств, а нечто иное. Об этом очень точно написал Хайек в «Дороге к рабству»... Он подчеркивал, что результатом действия рынка должно быть понимание индивидом того, к чему стоит стремиться. То есть «Все для человека» - может быть реализовано только тогда, когда человек с помощью рынка сам будет решать, а что он выбирает, и что он может выбрать в результате конкуренции и обмена благами с другими себе подобными. Концепция рынка, как распределительного механизма, обедняет всю проблематику, недооценивая главную функцию современного рынка – формирование целей. Рынок не должен восприниматься как механизм создания максимального изобилия, возможно, малыми средствами, как оптимизация изначально заданных целей, у него новая роль и она целеполагающая. И пока мы этого не осмыслим, мы не сможем построить рыночное общество, не в смысле наличия рынка, а в смысле его целеполагающей новой роли.

Цели и потребности не даны внешнему наблюдателю, они не могут

отождествляться со структурой потребительских приоритетов индивида. Речь идет о другом, о том, что рынок постоянно поглощает и трансформирует индивидуальные пристрастия. Рынок заставляет человека все время меняться, совершенствоваться, так как предпочтения и рациональность использования средств проявляются не сразу и не явно. Не существует повторений, всякий раз поиск оптимального решения совершается однократно, поскольку ожидания индивида и средства, имеющиеся у него в распоряжении, каждый раз новые.

Рынок – это способ обучения, за малый промежуток времени продавец и покупатель определяют, что из себя представляют их потребности и возможности, как они формируются во взаимодействии спроса и предложения. И как Хайек пишет, здесь все зависит от самого индивида, и никакие власти ему помешать не могут [1]. Покупатель и продавец свободны в том, что они хотят и знают, все зависит от их способностей и умения. Рынок превращает всех его участников в свободных субъектов, способных предугадывать свои и чужие потребности.

Согласно Бьюкенену, рынок является институтом свободного обмена, в котором индивиды пытаются реализовать их собственные намерения. Он пишет, что «это все человеческие надежды на то, что может быть» [12-14]. Если же рассматривать рынок только как средство для осуществления изначально заданных и по своему масштабу и взаимосвязям уже известных целей, то он как механизм не меняет людей. Многие на постсоветском пространстве были уверены, что введение рыночных отношений изменит людей, но не считали нужным изменить отношение к рынку. Проблема в том, что изменение отношений зависит от понимания этих отношений. Эволюция философии и этики западного общества привела к пониманию того, что рынок отрицает подчинение действий заранее заданным целям, отказывается от финализма и предпочитает ориентацию на открытость и незавершенность. Вспомним работу К.Поппера «Открытое общество и его враги» – открытость это понятие не идеологическое, а иное, предполагающее определенный образ всей жизнедеятельности и связан он с использованием сильных сторон рынка [15]. В рамках рынка эволюция проявляется, прежде всего, как приспособление к меняющимся условиям окружающей среды и внутрисистемным модификациям. Процесс открыт по отношению к новым целям, появление которых он сам стимулирует. Новые проекты, меняющиеся новые условия, социальные трансформации, осознаваемые процессы социального и индивидуального обучения, экономические и общественные кризисы и конфликты – все это приобретает новое качество в процессах осуществления рыночного обмена и конкуренции, в каждый момент предполагается новый вопрос и новое решение. Регламентация целей, локализация этого эволюционного движения повели бы к упрощению приспособительных способностей общества. Бюджетная экономика реагирует только на те импульсы, которые исходят из заданных целей. А рынок есть способ поиска и обнаружения целей и в ситуации контролирования он не может выполнять эту свою важнейшую функцию.

Обратите внимание, нигде на постсоветском пространстве рыночные реформы не дали оптимального результата. Дело в том, что, по мнению Хайека, Бьюкенена и других либералов рыночный механизм не может опираться на

инвариантные цели, говоря иными словами, он ныне не экономический механизм, или не только и не столько экономический механизм, сколько механизм формирования целей свободной субъективности. В противном случае он оказывается не в состоянии выполнить свою специфическую задачу, которая как бы двояка: в экономическом плане – оптимальное удовлетворение возможных потребностей в условиях ограниченного числа средств и целей и в более широком плане – продуцирование новых, скажем так, индивидуальных целей.

Рынок дает информацию о том, что может быть воспринято как ожидание и в какой-то степени эти ожидания поддаются трансформации. Централизованное предвосхищение всех рыночных решений мыслится лишь как принудительное. Оно с необходимостью оказывается ошибочным и наносящим ущерб решениям, которые исходят от индивида. Будущее и временные предпочтения, отличающегося сложностью общества, нельзя предвосхитить во всех частностях. Такое предвосхищение оправдывается лишь, если охватывает краткий промежуток времени и ограниченный круг связей. Общественное развитие в целом нельзя установить заранее, его можно вывести, только прогнозируя индивидуальные проекты и их осуществление. Поэтому большая сложность системы является основанием не для большего планирования, а для расширения опыта и обучения. Последнее же, возможно при наличии децентрализованного, не монополизированного и разветвленного получения и обработки информации. Поскольку, чем сложнее система, тем меньше возможность предвидеть ее развитие, требование регулятивного управления является противоречивым, если не сказать сильнее. Ведь регуляция всегда направлена на упрощение, усредненность, иначе она не может действовать. Получается, что структура западного общества достигла именно такой степени сложности, поскольку оно развивается как бесконечная вариативность индивидуальных проектов и прогнозов, как приспособление к необходимым, случайным и желаемым ситуациям и потому оно отказывается от регуляции. Распад и крах Советского Союза был вызван, в не последнюю очередь, не способностью отказаться от старых регулятивных методов управления сложной системой и система рассыпалась. Но проблема осталась, как отказаться от чрезмерности регулятивных методов управления обществом. Непонимание этой проблемы обрекает нас на регресс, устранение некоторой сложности и разнообразия возможностей для действий. Скорее следует стремиться к созданию рыночного порядка современного типа, который будет способствовать развитию способностей индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. «Вопросы философии», №11, 1990, с.124, 139.
2. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
4. Пайпе Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
5. Батищев Г.С. Выдвигание себя в человека. Самоллорский практикум. Москва-Тюмень, 1987, с.5.
6. Schumpeter J. Capitalism and Democracy. N.Y., 1942.
7. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. N.Y., 1973.
8. Lindsay A.D. The Modern Democratic State. L., 1943.

9. Bell D. The cultural contradiction of capitalism. N.Y., 1976.
10. Dolan E.G. The Foundations of Modern Austrian Economics. Kansas City, 1976.
11. Rowley C.K., Peacock A.T. Welfare Economics. A Liberal Restatement. London, 1975, p.78.
12. Buchanan J., Tullock G. The Calculus of Consent. Ann Arbor, 1974.
13. Buchanan J. Limits of Liberty. Between Anarchy and Leviathan. Chicago, 1973.
14. Markets, States and the Extent of Morals // American Economics Review, 68 (1978), p.364-368.
15. Поппер К. Ницета историцизма. «Вопросы философии», №8, 1992, с.49-80.

İCTİMAİ MƏQSƏDLƏR VƏ VASİTƏLƏR MƏSƏLƏSİNƏ DAİR

D.M.MÜSLÜMZADƏ

XÜLASƏ

Məqalədə qeyri-bazar cəmiyyətinin ictimai məqsədlərilə marksist utilitarizmi, ictimai məqsədlərin təbiəti və kant deantologiyasının fərqi analiz edilir. Tədqiqatda qeyri-bazar cəmiyyətində məqsədlərin və siyasətçilərin iradəsindən asılılığı nəzərə çatdırılır. Buradan da məşhur «Məqsəd vasitələrə haqq qazandırır» və ya «layiqli məqsəd vasitələrə haqq qazandırır» formulası irəli gəlir, amma bütün hallarda məqsəd sferasına kütlələrin təsiri yox edilir. Marağ və məqsədlərin bazarda formalaşdığı bazar cəmiyyətində isə şərait başqadır. Ona görə də bazar siyasətdə də, iqtisadiyyatda da, əxlaqda da hökmranlıq edir. Bazar əxlaqı arxaik və ənənəvi cəmiyyətlərin modernləşdirilməsinə şərait yaradır məhz ona görə ki, iqtisadi dəyişikliklərin aktivləşməsi başqa cəmiyyətlərdə ənənəvi olaraq fərdin iqtisadi maraqları ilə bağlı olmayan əxlaq dəyişdirir.